

«РОЗЫСКОЕ ДЕЛО» СТЕПАНА РАЗИНА

В источниковом комплексе, связанном с восстанием Разина, особое место занимают документальные материалы. О них писали многие историки. А. Н. Попов, опубликовавший ряд документов, дал их обзор по архивным фондам, коллекциям¹. В 1930-е гг. появились публикации документов о Разинском движении, его последствиях (на примере сел Лысково, Мурашкино и др.)². В одной из них («Разинщина», 1931 г.) имеется раздел о допросе братьев Разиных. В нем помещен отрывок из спорного земельного дела 1693 г. между А. Вешняковым и Карачуриным, в котором имеется упоминание о допросе Разина.

Б. Н. Тихомиров, рассмотревший источники о Разинском восстании, выделил «прокламации революционной армии», официальные правительственные акты, ведомственную переписку правительственных учреждений и отдельных лиц³. Но «распросные и пыточные речи» пленных повстанцев автор даже не упоминает, исходя из того, очевидно, что они сохранились в правительственных документах (хотя многие из них дошли в самостоятельном виде).

В известном издании документов, подготовленном Е. А. Швецовою, заметное место занимают «распросные пыточные речи» разинцев — в отдельном виде или в составе правительственной документации⁴.

И. В. Степанов в монографии о крестьянской войне 1670—1671 гг. посвятил источникам целую главу⁵. В ней помимо повстанческой и правительственной документации он охарактеризовал и «распросные и пыточные речи» пленных повстанцев, отметив, что это — «результат „творчества“ как повстанцев, так и представителей правительственного лагеря — воевод и приказных людей»⁶ (последние вели и записывали допросы, внося тем самым свои оценки в содержание ответов допрашиваемых). И. В. Степанов, рассматривая содержание допросов, отмечает, с одной стороны, наличие в них сведений, которые нередко отсутствуют в других источниках, с другой — искажение правды обеими сторонами. Впрочем, в своем кратком обзоре этих документов И. В. Степанов, как и его предшественники, не коснулся «распросных и пыточных речей» главного предводителя крестьянской войны. Дело в том, что сохранилось только несколько небольших их отрывков или упоминаний о них. Более того, по этой причине, а также благодаря известиям некоторых иностранцев о необычайно стойком поведении Разина во время «розыска» иногда само собой разумеется, что он не давал показаний, идем самым, никакого «розысчного дела» как бы и не было.

Между тем из сыскных документов наибольший интерес, конечно, представляют «распросные речи» Степана Разина. Из них сохранились только небольшие отрывки, хотя со 2 июня 1671 г., когда Разина привезли в Москву, и до 6 июня, дня казни, сформировалось целое «розысчное дело», связанное с его допросами, продолжавшимися примерно в эти четыре дня. Об этом говорят вполне убедительные данные. В деле о передаче поместий А. Карачурина, сподвижника Разина, Г. Вешнякову, его сыну и внуку (сентябрь 1693 г.), точнее — в челобитной внука, А. Вешнякова, сказано: «В прошлом де во 179-м году вор изменник Стенька Разин, как привезен был к Москве, и в то число говорил с пытки в измене и в воровстве на кадомского татарина на Асайку Карачюрина. А в какой измене говорил и что ево,

* Буганов Виктор Иванович, член-корреспондент РАО, руководитель центра Института российской истории РАН.

Асанкина, измена, и то писано в деле (здесь и далее подчеркнуто мной. — В. Б.) вора Стеньки Разина; а те ево распросные речи в Приказе Казанского дворца». Челобитчик просит, помимо прочего, «пожаловать бы ево, велеть в Приказе Казанского дворца из распросных и с пыточных речей вора изменника Стеньки Разина [и] из указа (...) великого государя об отдаче того изменничья поместья деду ево (Гермогену Вешнякову. — В. Б.) выписать подлинно: в чем на него, изменника Асанку, вор Стенька Разин говорил и для чего то изменничье поместье на нас, великих государей (в 1693 г. правили два царя: Иван и Петр Алексеевичи. — В. Б.), было отписано и деду ево за какие заслуги дано». Далее снова говорится: «И против сего челобитья в розыском деле полуголовы московских стрельцов Алексея Лужина, как он розыскивал во 179-м году, написано». Потом следует отрывок из этого дела с показанием Разина о Карачурине⁷.

Приведенные записи содержат несколько важных фактов. Во-первых, в Казанском приказе, который ведал Поволжьем (а именно здесь происходили основные события крестьянской войны), было составлено «розыскное дело» Разина; стрелецкий полуголова (подполковник) А. Лукин (в деле ошибочно — Лужин) был одним из тех, кто вел это дело, «розыскивал», отвечал за него. Во-вторых, розыск начался сразу же после того, как Разина привезли в столицу («как привезен был к Москве, и в то число говорил с пытки...» и т. д.). Это подтверждается другими источниками — записками иностранцев, сообщениями иностранных газет.

Ход розыска, весьма скорого, учитывая значение личности Разина в восстании, и столь же скорая казнь показывают, что власти очень спешили: царь и бояре боялись волнений простого народа в Москве. Тем не менее, вероятно, за несколько дней непрерывных допросов накопился изрядный материал. Допросы велись каждый день с четырех часов утра до трех-четырёх часов дня; об этом сообщал в Вологду А. Горяинов, вологодский архиерейский стряпчий, в письмах к вологодскому архиепископу Симону и к своему брату Савватию, настоятелю Толгского монастыря под Ярославлем (письма помечены 1 июня 1671 г.; очевидно, это дата начала их составления)⁸.

Среди тех, кто имел самое непосредственное отношение к допросам Разина, источники называют боярина кн. Ю. А. Долгорукого, главнокомандующего войсками, посланными против восставших, и даже самого царя. Сохранились статьи (пункты) Алексея Михайловича, направленные боярам, допрашивавшим главного мятежника. Составлены они в дни розыска, между 2 и 6 июня⁹. В них сформулированы 10 вопросов, которые должны быть заданы Разину. По ним, очевидно, не было окончательной ясности ни у царя, ни у других представителей власти. Эти десять вопросов царя имеет смысл прокомментировать.

Первый вопрос: «О князь Иване Прозоровском и о дьяках: за што побил и какая шуба?» В нем затрагиваются факты расправ Разина и повстанцев над первым воеводой Астрахани боярином кн. И. С. Прозоровским и приказными людьми при взятии города в конце июня 1670 г. (о дворянах, военных начальниках, иностранцах, богатых горожанах царь не упоминает, считая, вероятно, вопрос о них ясным). Кроме того, до царя, как и до всей России, дошли слухи о знаменитом случае с шубой. Он относится к концу августа 1669 г., когда разинская ватага на стругах вернулась в Астрахань из Каспийского похода. Воевода, как и все астраханцы, был поражен богатой добычей разинцев, и в ответ на его домогательства Степан Тимофеевич отдал ему со своих плеч богатую соболью шубу: «Бери шубу, лишь не было бы шуму», — так гласит народная молва. Почти два десятилетия спустя Кирей Матвеев, донской казак (как записано в «распросных речах» толмача И. Никитина в Посольском приказе 5 мая 1688 г.), говорил «в кругу»: «Шол Стенька с Хвалынского моря, и отнял де боярин Прозоровской шубу. И та де шуба зашумела по Волге»¹⁰. Эпизод этот стал весьма популярен в фольклоре, отразившись в разинском песенном цикле; позднее сюжет этот использовал А. С. Пушкин в «Песне о Стеньке Разине».

Второй вопрос: «Как пошел на море, — по какому случаю митрополиту ясырь присылал?» Он тоже касается известного эпизода, относящегося ко времени воз-

вращения разинцев с Каспия к Астрахани. Митрополит Астраханский и Терский Иосиф в челобитной 12 августа 1669 г. сообщал в Москву, что «воровские казаки, Стенька Разин с товарищи» дней за пять до этого «приехали с моря» на его «домовой (...) учюг» (рыболовный участок) Басагу (Басаргу), что на одном из волжских протоков, забрали с него рыбу, икру и прочее съестное, рыболовецкие снасти, одним словом, все разорили. Покинув же учюг, оставили на нем «втайке заверчено всякую церковную утварь и всякую рухлядь, и ясырь (пленных. — В. Б.); и, поехав с учюга, той всякой рухляди росписи не оставили». Владыка просит послать туда кого-либо, чтобы ту рухлядь, которую у ватажников «принимали» черный поп Иосиф и церковный дьячок Федор Еремеев, привезти в Астраханскую приказную палату, а попа и дьячка взять и допросить¹¹.

Как видим, царя интересовала не рухлядь, а ясырь, в котором были, как известно, и персы, в том числе «ханов сын» (т. е. сын Мамед-хана, разбитого в морском сражении у Свиного острова, в районе Баку), богатый купец Сеханбеть, ехавший на судне с товарами и подарками от шаха персидского для царя московского¹². Московское правительство, естественно, не хотело осложнять отношения с Персией. К тому же оно интересовалось шахскими дарами для Алексея Михайловича.

Ясырь, который Разин отдал в Астрахани Прозоровскому, был переписан¹³ (вероятно, в конце августа — начале сентября); о той части, которую Разин оставил на Басарге, царю и боярам не было, очевидно, известно. Слова царя о том, что этот ясырь Разин «митрополиту (...) присылал», говорят как будто о том, что почти год спустя после этих событий власти не до конца понимали ситуацию; то, что на учюге митрополита помимо церковной рухляди разинцы оставили и ясырь, дало основание думать, что восставшие это сделали для Иосифа. На самом деле это было, конечно, не так, и митрополичья челобитная подтверждает это вполне четко.

Третий вопрос: «По какому умыслу, как вина смертная отдана, хотел их побить и говорил?» Здесь, очевидно, подразумевается то обстоятельство, что при возвращении с Каспия, когда Разин подплывал к устью Волги, его встретил на судах кн. С. Львов, один из астраханских воевод, с 3—4-тысячным отрядом и вручил царскую «милостивую грамоту» (ту, которую разницам прислали еще в 1667 г., когда поход на море только начинался; тогда Разин со своими казаками и не подумал ее брать, следовать ее распоряжениям, верить обещаниям). В ней-то и была Разину и его казакам «вина смертная отдана» с условием, что он от «воровства» отстанет и вернется на Дон. Разинцы в 1669 г. били челом государю в своей «вине», обещали служить ему верно, лишь бы им разрешили спокойно вернуться домой¹⁴. Они боялись царских войск, загородивших устье Волги, хитрили и добились в конце концов своего. Приплыли в Астрахань, а затем после двухнедельного пребывания там отбыли на Дон. А в пути вели себя независимо, не слушались воевод и прочих начальников. Менее года спустя организовали поход, гораздо более страшный для царя и бояр, дворян и приказных. Этим объясняется возмущение царя: почему, мол, несмотря на «отдание вины» (по «милостивой грамоте»), Разин «хотел их побить и говорил». Дело в том, что Степан Тимофеевич, как сообщают разные источники, в сентябре 1669 г., возвращаясь на Дон, еще в низовьях Волги не скрывал своих намерений: не слушать бояр и прочих, рассчитаться с ними в свое время, которое и наступило менее года спустя. Третий вопрос, действительно, как считает Е. А. Швецова, «касается причин восстания»¹⁵, но не в 1671 г., как она полагает, а в 1670 г.

Четвертый вопрос: «Для чего Черкасского вичил, по какой от него к себе милости?» По мнению Е. А. Швецовой, царь имеет в виду одного из двух князей Черкасских — боярина Григория Сунчалеевича, крещеного кабардинца на русской службе, или Каспулата Муцаловича, владевшего под условием верности и службы московскому правителю Терским городком¹⁶. Вряд ли это так. Согласно царскому вопросу, Разин этого Черкасского «вичил», т. е. называл не только по имени, но и по отчеству — с «вичем», как тогда говорили. Это полагалось по отношению к кругу знатных лиц, имевших определенный чин (к боярам, окольниковым и др.). Людей невысокого чина, даже из князей, звали только по имени.

«Беспородных» же, не говоря о «черных», «подлых», именовали так всю жизнь (а то и уменьшительным именем, к примеру, Ивашкой и т. д.). Известно, как негодовали московские бояре по поводу того, что в письмах к царю Алексею Хмельницкий, небогатый украинский шляхтич, хотя и ставший гетманом Войска Запорожского, а потом фактически всей Украины, пишется «с вичем», т. е. Богданом (Зиновием) Михайловичем.

Исходя из сказанного, и Григория Сунчалеевича, и Каспулата Муцаловича Черкасских именовать «с вичем» попросту полагалось по правилам XVII в., иначе это было бы оскорблением и для них, и для всех людей подобного ранга. Царь здесь имеет в виду другого Черкасского. Представляется почти несомненным, что это был молодой князь Андрей, сын князя Камбулата Пшимаховича Черкасского, кабардинского мурзы. Князь Андрей был крещен в православную веру, попал в плен к Разину при взятии Астрахани. Он-то и играл, вероятно, роль царевича Алексея. Разин, продвигаясь вверх по Волге, вез его с собой, поместив князя на отдельном струге, обитом красным бархатом. «Царевич» должен был служить символом «законного» государя, которому даже присягали в уездах, охваченных восстанием. В правительственных документах той поры (например, в отписке Д. Хомякова и подьячего Ф. Постникова не ранее 9 июня 1671 г.) и позднее (например, в памяти Посольского приказа в Казанский дворец 16 декабря 1678 г.) этого Черкасского именовали просто Андреем, «без вича»¹⁷.

Этого-то Андрея Черкасского и подразумевал, очевидно, царь. Разин, вероятнее всего, в годы крестьянской войны и в глаза не видел Григория Сунчалеевича (хотя мог с ним встречаться до восстания, когда побывал в Москве; это было в 1652, 1658, 1661 гг.) и Каспулата Муцаловича. Да если бы и виделся с ними, их именование «с вичем» ни у кого бы не вызвало удивления. Государь же явно удивлен — как можно «вичить» этого Черкасского, по какой такой «от нево к себе милости»? Милости-то никакой от него Разину не было, конечно, но значение молодого князька для дела восстания, для привлечения к нему новых людей было очень велико. Потому Разин и «вичил» его, т. е. звал по имени-отчеству (Андреем Камбулатовичем), оказывая ему знаки уважения, чтобы привлечь его на свою сторону и, главное, произвести впечатление на участников восстания, настоящих и потенциальных. Когда же Андрей Черкасский оказался на красном струге, его звали уже как «царевича», Алексеем Алексеевичем, тоже, разумеется, «с вичем». Однако самозванцем он стал по принуждению Разина, и в связи с этим характерно, что позднее его включили в состав конвоя, который вез Разина с Дона под командой К. Яковлева, войскового атамана, в Москву. После окончания восстания ни отцу, ни сыну не припомнили вину младшего из них (как полагает Е. А. Швецова, из-за нежелания Москвы ставить под удар отношения с одним из князей Кабарды)¹⁸.

Пятый вопрос: «И кто приказывал с Лазалком (Лазарком. — В. Б.), что Долгорукой переводит?» Здесь подразумевается, вероятно, то, что главнокомандующий Долгорукий «переводит», т. е. убивает, уничтожает людей, участников восстания, а Разин «приказывал», т. е. передавал своим атаманам и казакам сведения об этом с каким-то Лазарем. Несомненно, имеется в виду Лазарь Тимофеев, которого еще в начале осени 1669 г. при возвращении с Каспия Разин послал в Москву — «бить челом великому государю казаков Лазарку и Мишку с товарищи, семь человек, знатно, обманом»¹⁹. Л. Тимофеев — один из атаманов Разина, приближенный к нему человек. Казак Н. Самбуленко в «распросных речах» 29 сентября 1670 г., записанных в Малороссийском приказе (его прислал в Москву гетман Левобережной Украины Д. И. Многогрешный), говорил, что после взятия Разиным Астрахани, в которой он жил «с месяц», «при нем де старшина — донские казаки Лазарко да Мишко, да Чертенюк ясаулы, да Ивашко Лях, да с Рыбной (другое название Острогжска. — В. Б.) сотник Ивашко Ковалевской с рыбинскими казаки»²⁰.

Еще раньше, в декабре 1669 г., самарец А. Хомуцкий с проводниками провожали в степи за Медведицей станицу во главе с Лазарем Тимофеевым, которая, ограбив их (взяли оружие, лошадей, московскую подорожную), уехала «в степь на низ по Медведице бездорожно; а в Астрахань не поехали». Сведения эти изложены

в наказе (начало его не сохранилось) Г. Евдокимову (не ранее 23 декабря 1669 г.), которого Посольский приказ послал на Дон, где он потом погиб от рук Разина и его помощников как лазутчик от московских бояр²¹.

В выписке Приказа Казанского дворца (февраль 1670 г.) упоминается эта станица из шести человек от Разина, названы и ее руководители — станичный атаман Лазарь Тимофеев и есаул Михаил Ярославов. Разин прислал их к государю, чтобы он «пожаловал, вины их, что они, будучи на Волге и на море, воровали, отдать»²². Из Москвы станицу отпустили в Астрахань 21 сентября с самарцем А. Хомуцким²³. Лазарь Тимофеев и его товарищи, как выясняется, не возвратились в Астрахань, откуда их послал с повинной Разин около месяца тому назад. Проехав Пензу, согласно показанию Хомуцкого, они с Медведицы пошли на Дон к Разину, узнав по дороге от московских стрельцов, что его туда отпустили астраханские воеводы. При этом не церемонились с теми, кого послали из Москвы в качестве их провожатых, по «совместительству» — согладатаев. Ведь дорогу по Волге и Дону донцы знали не хуже своих проводников.

Л. Тимофеев упоминается и в других документах. Так, в наказе (не ранее 23 июня 1671 г.) стольнику Косагову, посланному на Дон с жалованьем донским казакам (и для пригляду за ними) уже после казни С. Т. Разина, сказано: «говорить» атаманам и казакам, чтобы они прислали в Москву «вора и единомысленика в воровстве с Стенькою Разиным казака Лазарка Тимофеева, которой наипушей вор, винен во многих великих изменных делех и ко всякому воровству лехкомысленных свою братью с собою в такое ж воровство приводил»²⁴.

Донская старшина, как сообщает отписка войскового атамана Л. Семенова в Посольский приказ (1 июля 1671 г.), исполнила это требование Москвы. Из нее видно, что о выдаче Л. Тимофеева и других «пущих воров и заводчиков» на Дон писали в царской грамоте, полученной там 28 июня. Кроме того, К. Яковлев, атаман Войска Донского, находившийся в Москве (он привозил братьев Разиных, присутствовал, конечно, на казни старшего из них; Л. Семенов временно замещал его в Черкасске), «по допросу сказывал (...) что он писал к нам (донским старшинам. — В. Б.), холопям твоим, чтоб нам вора Лазорка Тимофеева показать. А буде тот вор Лазорка у нас в Войске жив, и чтоб нам, холопям твоим, по твоему, великому государю, указу его прислать к тебе, великому государю» И далее: «А вора Лазорка Тимофеева послали, государь, мы, холопи твои, к тебе, великому государю, и велели ево вести с великим береженьем»²⁵.

25 июля 1671 г. донской станичный атаман П. Степанов, привезший Л. Тимофеева в Москву, говорил о нем в «распросных речах», записанных в Посольском приказе²⁶.

Ф. И. Шелудяк, тоже один из разинских сподвижников, на допросе в Астрахани (не ранее 6 июля 1672 г.) сказал, что после ее взятия Разиным «в приказной палате и в таможне, и на кружечном дворе государеву денежную казну держали донские казаки Лазарко Тимофеев с товарищи да астраханец Федотко Панок»²⁷. На допросах в той же Астрахани, проведенных властями не позднее октября 1672 г., один из повстанцев, А. Халдеев, служивший подьячим в местной приказной палате, признал: «Его де, Олешку, есаул Лазарко Тимофеев взял с собою под Синбирск, и под Синбирским де он, Алешка, был у них для письма»²⁸.

Наконец, в одном синодике конца XVII в., содержащем текст анафемствования Разину, среди «первосоветников [атамана], его волею и его злодейству приставших, лукавое начинание его ведущих пособников» назван и Лазарко Тимофеев²⁹.

Все эти данные о Л. Тимофееве убеждают, мне кажется, в том, что именно его, одного из главных и активных помощников Разина, имеет в виду царь, когда упоминает о «Лазалке», передававшем сообщение своего атамана о Долгоруком — кому-то, вероятно, из предводителей отрядов, действовавших в Алатырско-Арзамасском или соседних районах, где вели борьбу с восставшими полки главнокомандующего и подчиненных ему воевод.

После сказанного выше понятно, почему царь Алексей Михайлович называет имя Лазаря Тимофеева в связи с действиями армии Долгорукого: то ли он «пере-

водит» повстанцев, т. е. убивает их, то ли переводит свои полки из одного места в другое — такое главнокомандующий в ходе борьбы с разнищами делал неединожды. Интересно, что в тексте статей царь сначала написал «переводится», потом частицу «-ся» зачеркнул³⁰. Слово «переводится» больше соответствует значению «переходить», «перебираться» с войском в другое место; зачеркнув «-ся», царь, может быть, счел, что подобное значение как раз и не подходит к этому случаю? Это не исключено. Но можно полагать и иное — составитель вопросов к Разину просто хотел здесь выразить свою мысль более точно: Долгорукий не «переводится», а «переводит» свою армию в другое место — это больше подходит для решительной природы одного из самых способных военачальников, помощников царя.

В итоге по пятому вопросу остаются еще неясности; возможны, вероятно, иные его истолкования. Е. А. Швецова придерживается двух версий: «о передвижении войска Долгорукова» или «о назначении Ю. Долгорукова вместо П. Урусова»³¹. Вторая представляется несколько натянутой.

Шестой вопрос: «За что Никона хвалил, а нынешнева (т. е. патриарха Иоасафа, преемника Никона. — В. Б.) бесчестил?» Этот пункт не требует подробных пояснений. Разин, как и многие в России, в том числе среди повстанцев, «хвалил» опального и свергнутого с патриаршего престола Никона, пострадавшего от «плохих» бояр. Сочувствием к нему простого народа, черни, объясняется тем, что Разин пытался наладить связи с Никоном, заключенным в Ферапонтов монастырь, привлечь его на сторону восстания. И хотя это не удалось, предводитель делал вид, что отставной патриарх на его стороне — вместе с восставшими плыл вверх по Волге еще один струг, обитый на этот раз черным бархатом. На нем, как пытались внушить Разин и повстанцы, находился-де Никон. Неудивительно поэтому, что предводитель, «хваливший» свергнутого святителя, «бесчестил» его преемника.

Седьмой вопрос: «За что вселенских хотел побить, что они по правде извергли Никона? И што он к ним приказывал? И старец Сергей от Никона по зиме нынешней прешедшей приезжал ли?» Здесь сформулированы не один, а несколько вопросов. То, что Разин хотел «побить» вселенских патриархов, связано с тем, что на церковном соборе 1666 г., «извергшем» Никона из сана патриарха, присутствовали два вселенских патриарха — Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, давшие согласие на проведение этого акта. Посему слова Разина, грозившегося «побить» двух иерархов, понятны, как и мнение царя о том, что те «извергли» Никона «по правде». Не совсем ясно, что же Разин «к ним», т. е. двум вселенским патриархам, «приказывал». Может быть, опять чем-то им угрожал, что-то требовал от них, например, возвращения Никона на патриаршество — этого ведь желали и Степан Тимофеевич, и многие восставшие?

Конец седьмой статьи связан с возможным посещением Разина посланцем Никона старцем Сергием зимой 1670/71 г. Произошло ли это на самом деле, сказать трудно. Во всяком случае, власти подозревали бывшего патриарха в связи с Разиным, позднее даже приказали перевести его из Ферапонтова монастыря в Кирилло-Белозерский, более надежный.

Интересно, что черный поп Феодосии, «отец духовной поневоле» Степана Разина, в свое время был у Никона в Воскресенском монастыре «во дьяконех года с полдва», т. е. полтора года (из его «распросных речей» в Разрядном приказе)³². А Иосиф, митрополит Астраханский, вызывал ненависть повстанцев и потому, что «снял (...) с Никона патриарха сан». Так они говорили ему на одном из кругов и требовали лишить его самого сана митрополита (из «распросных речей» 11 июля 1672 г. астраханских соборных попов К. Елисеева и П. Иванова)³³.

Самое важное и интересное в контексте конца седьмой статьи (о посещении Разина старцем Сергием, якобы посланным Никоном) — то, что сохранились показания Никона, более подробные, и Разина, отрывочные, взятые из его «розыскного дела». 16 мая 1676 г. архимандриту Чудова монастыря Павлу изготовили наказ: он должен был объявить Никону о переводе его в Кирилло-Белозерский монастырь; в нем приведены записи, составленные из разных документов. В

начале наказной памяти говорится: кн. Самойла Шайсупов «писал» покойному царю Алексею о том, «что он, Никон, про воровство Стеньки Разина князь Самойлу говорил». По этой отписке Шайсупова Приказ тайных дел, который, как известно, работал под личным наблюдением Алексея Михайловича, послал к Никону московского стрелецкого полковника Лариона Лопухина, «и то де писано у него, Лариона, в статьях»³⁴.

Далее идут записи из «статей» Лопухина, «сысканных» в Тайном приказе, «а в них о том деле, против князь Самойловы скаски, приписано», что «Никон монах говорил» Шайсупову: как приезжал к нему «с милостынею» от царя окольничий Р. М. Стрешнев, «и он де, Никон, тому окольничему (...) о смятении и о разорении от воров и изменников и крестопреступников казаков, чему впредь быти, назначил», т. е. предсказал бунт казаков, что и последовало вскоре. Никон, может быть, что-то узнал, слышал, догадывался, так как по стране ходили, конечно, разговоры и слухи о недовольстве донцов, и не только их, о событиях походов Уса к Москве, Разина на Волгу, Яик, Каспий.

«Да он же, — продолжают о Никоне „статьи, каковы даны Лариону Лопухину“, — говорил ему, князь Самойлу, что при Степане Наумове (приставе, следившем в Ферапонтовом монастыре за Никоном. — В. Б.) в Ферапонтов монастырь приходили 3 человека казаков, Федька да Евтюшка, а третьему имя пропаятовал, а звали де ево, Никона, с собою, чтобы с ними шол к Кириллову монастырю». Никон утверждал далее, что их, т. е. казаков, «пришло по него», т. е. за ним, 200 человек, да еще «готово и 500 человек». Они хотели, «чтоб Степана Наумова убить до смерти и Кириллов монастырь разорить, и с тою б казною и с пушки, и с запасы (взятые в Кирилло-Белозерской обители. — В. Б.) итти на Волгу». В этих рассуждениях, несомненно, угадывается ненависть Никона к своему приставу Наумову, бессердечному человеку, сильно его притеснявшему. Низложенный патриарх, отличавшийся и сам крутым нравом, не прочь был бы расправиться со своим мучителем. Не исключено, что Никон говорил правду о приходе к нему трех посланцев Разина, поскольку последний подчеркивал свое и всех восставших почтение к нему, их желание возвести его снова на патриаршество. Слова о многих сотнях казаков, пришедших за ним или готовых к тому, не подтверждаются другими источниками. Вероятно, это плод воображения старца, как и его утверждения о том, что он якобы предсказал Разинское восстание. Никон, как известно, верил в свой дар прорицателя. Кроме того, ему не чуждо было стремление поднять значение собственной личности в глазах окружающих, прежде всего самого царя. Он долго надеялся, что Алексей Михайлович, в свое время очарованный его даром проповедника и чуть ли не пророка, освободит его, наконец, из монастырского узилища.

В «статьях» Тайного приказа Лопухину верно отмечено, что «по тому ево намерению (убить Наумова, разорить Кириллов монастырь. — В. Б.) знатно, что извещение ему (о предстоявшем мятеже казаков. — В. Б.) не от самого Господа Бога, а, знатно, то дело ему стало ведомо от тех воровских людей, которые к нему приезжали; и чаять, что то смятение и кровопролитие содеяся от них». Власти, таким образом, склонны были полагать, что начало Разинского восстания пошло от тех «воров», которые посетили Никона, договаривались с ним, в частности, о том, чтобы, разорив Кирилло-Белозерский монастырь, взять из него артиллерию, деньги, всякие запасы, которых в этой мощной крепости-обители скопилось немало. Недаром власти «выговаривали» Никону, что тот не известил их о тайном визите трех разинцев, не «велел их переимать и к государю к Москве прислать». И только уже после казни Разина и его товарищей Никон «про приход к себе воровских людей, как к нему приходили и звали к себе на воровство, объявил великому государю чрез князь Самойла Шайсупова, только и то закрытым делом», т. е. тайно, наедине с посланцем от Алексея Михайловича. При этом Никон не сказал конкретно, «хто в Белозерских странах о том советовали и какие люди к воровству собирались, и где двесте человек донских Козаков стояли, и каких

чинов 500 человек у них было приготовлено, и в которых местах, и кто у них х такому воровству были имяны завоткии».

Для обличения Никона и приводится отрывок из допроса Разина («Да на то же ево, Никона, зломыслие и в деле явилось»): «Как Стенька Разин привезен к Москве, и в то время в роспросе у пытки и со многих пыток и с огня сказал: Приезжал к Синбирску старец от него, Никона, и говорил ему (Разину. — В. Б.), чтоб ему итти вверх Волгою, а он, Никон, с свою сторону пойдет для того, что ему тошно от бояр; да бояре же переводят государские семена». Эти показания Степана Тимофеевича тоже, возможно, как и слова Никона, говорят об их взаимных контактах: что не только к бывшему патриарху являлись в свое время трое разинцев, но и к их предводителю приходил от Никона «старец», имя которого называет царь в своем седьмом вопросе, — старец Сергей. Относительно того, что Никону «тошно от бояр», которые к тому же «переводят государские семена» (имеются в виду частые кончины царских детей), — все это часто обсуждали восставшие и их главный атаман. Поэтому вполне объяснимо, что Разин во время июньского розыска связал подобные наивные высказывания с именем Никона. «Тошно от бояр» было и свергнутому владыке, и всей черни, но по разным причинам.

Слова «старца Сергия» (если считать, что царь и Разин имеют в виду одно и то же лицо) о том, что Разин должен, по желанию Никона, пойти вверх по Волге (т. е. от Симбирска, который тот осаждал в сентябре — начале октября 1670 г.), можно понять и даже принять, но с известными сомнениями. Их же продолжение (что Никон «с свою сторону пойдет», т. е. навстречу Разину) принять невозможно, так как у Никона не было для такого похода ничего реального — ни сил, ни средств. Да и самой возможности выбраться из каземата, каким для него стал Ферапонтов монастырь с его каменными стенами и кельями, крепкой охраной и беспощадным приставом. Конечно, если бы Никон явился к разницам даже один, без кого бы то ни было, уже это сильно повысило бы авторитет и Разина, и дела, на которое он поднял тысячи людей. Но для этого нужны не только желание и слово. Если они и были...

По показанию Разина на том же допросе, эти слова Никонова посланца далеко еще не все: «А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с 5000 человек, а те де люди у него готовы на Белоозере». Подобные утверждения Степана Тимофеевича — из той же серии смелых и бесшабашных формул, которые мы часто встречаем в повстанческих грамотах («прелестных письмах») — о тысячах, десятках, тысяч людей в войсках тех или иных разинских атаманов, о якобы одержанных ими и Разиным громких победах над Долгоруким и другими воеводами, о присылке восставшим подкреплений, опять же — в тысячах, десятках тысяч людей, из других уездов, даже иных земель, т. е. государств. То же имело место и при Булавине, Пугачеве. Сознанию повстанцев, людей, в массе своей неграмотных, свойственны вера в чудеса, сверхъестественное, мечта о лучшей доле; многое здесь — от неушедшей окончательно в прошлое языческой стихии, наивно-поэтического восприятия всего сущего, былинно-героического его осмысления.

Фигура старца, который, по словам Разина, «из-под Синбирска ушел», предстает чуть ли не вровень с былинным богатырем или Ослябей с Куликова поля: «И тот старец на бою был, исколол своими руками сына боярского при нем, Стеньке». Соответствовало ли действительности это показание Степана Тимофеевича, трудно сказать: Разин явно героизирует старца.

Показание Разина подтвердил другой обвиняемый, вероятно, тот же Лазарь Тимофеев: «А товарищ ево, Стенькин, Лазорка, в роспросе же и с пытки и с огня сказал, что старец от Никона к Стеньке приходил на Царицын и был под Синбирским. А для чего приходил, того не ведает. А от Стеньки слышали всем войском, что старец от Никона был с теми словами, что писано выше сего». Этот Лазарь дополнил признания своего атамана в том, что старец сначала пришел к повстанцам в Царицын, потом ходил с ними к Симбирску, а сам Разин о словах старца (от

Никона) говорил-де «всему войску». Наконец, эти сведения подтвердил и Фрол Разин: «Да и брат Стеньки Фролко с пыток говорил те же речи».

Все, здесь сказанное, могло в чем-то соответствовать действительно происходившим событиям, в чем-то было плодом воображения, расчетов, замыслов причастных к событиям лиц, прежде всего Разина и Никона. Во всяком случае, та часть «розыскного дела» Разина, которая как будто подтверждает его возможные связи с Никоном, представляет немалый интерес для суждений об этих личностях, о стремлениях, психологии участников драматических событий тех лет. Власти, рассмотрев данные о связях этих незаурядных людей, были убеждены в несомненной вине сосланного Никона: «Ты же совет имел, — так ему должен был говорить позднее, уже в 1676 г., архимандрит Павел из Чудова монастыря, — с ворами и с изменниками Московского государства, с единомысленниками Стеньки Разина, которые тебя звали в Кирилов монастырь и на Волгу». Далее зачеркнуто в тексте: «А вор Стенька Разин с товарищи с пыток говорили, что ты к ним чернеца на такое зло в совет и чернца присылал в Синбирск». Впрочем, эта фраза в несколько иной редакции приведена в конце белого текста наказа архимандриту Павлу, сохранившегося в деле патриарха Никона.

Из показаний Степана Разина, его брата Фрола и «Лазорки» выясняется еще один важный момент: к «розыскному делу», по которому допрашивали С. Разина в июньские дни 1671 г., сыщики привлекли показания его брата (это понятно, поскольку Фрола привезли в Москву вместе со Степаном), а также, на что не обращалось должного внимания, все того же «Лазорки» (несомненно, это Лазарь Тимофеев). Его допрос в Москве — еще один показатель его близости к Разину, интереса центральной российской власти к этому мятежнику, одному из самых активных, заметных в глазах царя (недаром он упомянул его в своих статьях-вопросах) и бояр.

Восьмой вопрос: «О Кореле, грамоте от него (от Разина? — В. Б.) за Никоновою печатью, к царскому величеству шлют из-за рубежья». Е. А. Швецова считает, что содержание этого пункта — «о посылке в Карелию и на Ижору прелестных грамот»³⁵. В извлечении из записи переговоров со шведским посланником А. Эбершильтом в Посольском приказе выражено недовольство московских политиков тем, что в курантах, печатаемых в Риге (по словам посланника, «под Ригой в Королевце», т. е. Кенигсберге), «пишут, затевая ложно и много не против достоинства великого государя нашего». Далее Эбершильту показали выписку из курантов, «и выговаривано посланнику о том пространно», именно — о «воре Стеньке Разине», писавшем «воровской лист в Корельскую и Ижерскую землю к жителем»³⁶.

В ответ московские представители услышали, что король о поимке и казни Разина знает, «о том (...) радуется», а о «воровском листе» посылал в Карельскую и Ижорскую землю, в иные города «сыскивать (...) накрепко», но там его «отнюдь нет и не бывало». На том дело и закончилось.

В связи со сказанным отмечу, что в вопросе царя Алексея речь идет все же не о всей Карельской земле, а о Кореле (позднее — Кексгольм), т. е. городе, в который Разин послал грамоту. Это наименование — более точное, чем в посольской записи. Непонятны дальнейшие слова монарха о том, что та грамота имела «Никонову печать» и что ее «шлют из-за рубежья» ему, царскому величеству. Первое утверждение может быть отголоском все тех же рассказов о тесных связях Никона с Разиным, ходивших по России; второе, скорее, выявляет стремление монарха создать впечатление, будто шведы исполняют его пожелание прислать разинскую грамоту из Корелы, нежели отражает истинное положение дел, которое засвидетельствовано посольской записью о переговорах с Эбершильтом.

Девятый вопрос: «О Каспулате, где он?». Подразумевается кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский, владевший на условном праве Терским городком. Вопрос означает, что московские власти беспокоились в связи с позицией князя, так как, конечно, знали о попытках Разина и повстанцев привлечь на свою сторону Черкасского с Терека. Посему царя интересовало, где сейчас пребы-

вает Каспулат, не проявляет ли он колебаний в верности России, не использует ли смутную обстановку для разрыва с сюзереном — Москвой.

Десятый вопрос: «На Синбир жену видел ли?» Очевидно, нужно читать: «на Синбирске». Вопрос показывает интерес царя и сыщиков к личной жизни мятежного вождя: виделся ли он с женой тогда, когда восстание было в разгаре, а повстанческое войско Разина в сентябре — начале октября осаждало Симбирскую крепость (кремль); город, его посад были взяты еще в начале сентября. Что касается жены Разина, о ней известно, что в 1669 г., после его возвращения с Каспия на Дон, он ее «подсылкою увез из Войска»³⁷, т. е. из Черкаска в Кагальник, где она, вероятно, и жила во время похода мужа на Волгу в следующем году. Там она была и после симбирского поражения Разина. А. Васильев, слуга полковника Т. Беля, показал 4 января 1671 г. в Разрядном приказе: «А вор де Стенька Разин ныне на Дону в казачьем городке Когальнику, где ево, ворова, жена»³⁸. Сведения эти относятся к концу 1670 г. — Васильев побывал после бегства от разинцев с Волги в Острогжске, где по приказу Ромодановского расстреляли полковника И. Дзиньковского, ставшего на сторону Разина (а это произошло в конце сентября — начале октября), отсидел в тюрьме «недель с 16», т. е. три месяца. Потом Ромодановский отослал его в Москву³⁹. В конце января в Москве побывали донской станичный атаман Р. Калужанин и есаул М. Львов, рассказавшие в Приказе Казанского дворца (их «распросные речи» помечены 27 января 1671 г.) о борьбе на Дону двух «партий» — разинской и старшинской, о стычках на кругах в Черкасске, осаде двора войскового атамана К. Яковлева. Борьба эта шла с переменным для обеих сторон успехом. Однажды, когда Разин ушел из своего Кагальника в Царицын, домовитые напали на его ставку — «старшин ево, Стенькиных, побили и в воду пометали», взяли «жену ево, Стенькину, да брата ево Фролкину жену и привезли в Войско», т. е. в Черкасск⁴⁰. О дальнейшей ее судьбе неизвестно.

Царские десять вопросов, напоминающие, кстати говоря, вопросные статьи его сына Петра I, когда тот вел розыск и казнил московских стрельцов — участников восстания 1698 г.⁴¹, имеют целью уяснить многие важные стороны Разинского восстания, роль самого предводителя. Они — свидетельство жгучего интереса к личности и делам Разина со стороны верховной власти в лице самого монарха. Царь и бояре хотели знать все, что связано с замыслами и действиями Разина, чтобы дать им свою оценку и тем самым воздействовать соответствующим образом на сознание людей в России и за рубежом.

Можно не сомневаться, что по всем царским вопросам Разина спрашивали в ходе розыска, пытали, добивались признаний. Его ответы нам неизвестны — «розыскное дело» сгорело, вероятно, во время большого московского пожара 1702 г. или позднее, когда погиб архив Приказа Казанского дворца.

Помимо приведенных выше отрывков из «розыскного дела», сохранился еще один, упомянутый выше. Связан он с Асаем Карачуриным и включен в дело о его поместьях, которые по указу властей передали Вешняковым. «В розыском деле, — сказано в сентябрьской грамоте 1693 г. из Казанского приказа керенскому воеводе И. Чубареву (поместья Карачурина располагались в Кадомском и Керенском уездах), — полуголовы московских стрельцов Алексея Лужина (на самом деле: Лукина. — В. Б.), как он розыскивал во 179-м году, написано: В прошлом во 179-м году в июне в роспросе и с пытки *вор* изменник Стенька Разин сказал: Приходил де к нему под Синбирск татарин, пожиточной человек, Асанком зовут, и говорил ему, чтоб итить под Казань; а в Казани-де сидеть не будут. А которого города тот татарин, того он не ведает. А ростом де он немал, борода черна, щека перерублена»⁴².

Это показание, вырванное, как и другие, пытками, говорит об активной роли А. Карачурина, ставшего, несмотря на свое социальное положение (владелец поместий в двух уездах), предводителем восставших татар. Он активно участвовал в борьбе, призывал Разина к походу на Казань, жители которой (и окрестных земель — это, конечно, подразумевалось тоже), как он был уверен, непременно включатся в восстание. Вместе они составили грамоту — воззвание к «казанским

бусурманом». После симбирского погрома Карачурин исчез, позднее, в декабре, его схватили и казнили в Красной слободе, ставке Долгорукого.

Рассмотренными выше данными исчерпывается документальный материал о «розыском деле» Разина. Большое значение имеют, конечно, вопросные статьи — пункты, написанные царем Алексеем Михайловичем; многое в них, на первый взгляд, «зашифровано», малопонятно. Но при соответствующих поисках, сопоставлениях с другими документами его намеки, неясности можно расшифровать, что автор и попытался сделать.

Помимо этих свидетельств, имеются и некоторые другие — в сообщениях иностранцев, писавших по личным наблюдениям, слухам, запискам других авторов, из иностранцев же. В них не воспроизводятся, как в приведенных отрывках из его «розыского дела», подлинные слова Разина, вопросы, сформулированные самим государем, и подробности о замыслах и делах повстанцев во главе с Разиным. Но они содержат любопытные характеристики обстановки, в которой проходил розыск, поведения Разина и даже дополнения к описанию хода самого розыска, его содержанию.

В анонимном «Сообщении касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» дано первое описание восстания и розыска. Написано оно в Москве до сентября 1671 г., затем переправлено через Архангельск в Англию. В том же году сочинение издали в Германии и Голландии, в следующем году — в Англии и Франции.

В «Сообщении» использован текст приговора о казни Разина, другие официальные документы. Многие автор слышал и наблюдал в русской столице. А. Г. Маньков, опубликовавший этот источник, дает ему высокую оценку за полноту и точность сведений, особенно о наивысшем и заключительном этапах восстания⁴³.

Аноним-англичанин в начале своего сочинения, сообщив о казни Долгоруким в 1655 г. (на самом деле — в 1665 г.) старшего брата Степана на фронте военных действий, где-то под Киевом (шла война с Польшей из-за Украины), пишет: «Вот на какую причину разжигания им мятежа ссылался Разин под пыткой на дыбе: он, дескать, желал отомстить за смерть брата, казненного, по его разумению, незаконно»⁴⁴. Запись эта, а она может соответствовать действительности, пополняет фонд сведений о содержании «розыского дела» Разина. Действия его главного войска, с которыми связан пик всего движения, происходили в тех местах, где неподалеку, у Арзамаса, находилась главная ставка Долгорукого. В 1670 г. судьба столкнула Разина с тем, кто был виновен в гибели его брата, случившейся пять лет тому назад. Теперь беспощадный князь, бывший к тому же незаурядным полководцем, громил разинские отряды, а позднее участвовал в допросах и тем самым в определении приговора брату Ивана Разина, им ранее казненного.

Когда Разина схватили и везли в Москву, продолжает аноним, «весь долгий путь он был обольщаем надеждой, что будет говорить с самим великим государем и перед ним изустно защитит дело свое. Стеньке всегда казалось, что ему многое что надобно сказать государю, а тому важно сие знать». После описания въезда Разина в столицу на телеге вместе с братом идет рассказ о пытках во время допросов, поведении Степана и Фрола: «Обоих мятежников предали пытке, но в чем признались они, никому не ведомо, известно лишь, что Стенька горько сетовал на смерть брата своего, повешенного ранее по приказанию Юрия Долгорукого»⁴⁵.

В этих сообщениях помимо повторного указания на слова Разина о погибшем брате, сказанные им во время розыска, для понимания его личности характерно указание на то, что атаман надеялся что-то сказать царю, в чем-то его убедить.

Аноним, писавший по свежим следам событий, упоминает о допросе с пытками братьев Разиных: «В чем признались они, никому не ведомо». О том же говорит и Томас Хебдон, английский купец в Москве, в письме от 6 июня 1671 г. Ричарду Даниелю, английскому торговому представителю и резиденту в Риге. Датировано это письмо днем казни Разина и кратко описывает помимо этого события его въезд в Москву и розыск. Из письма следует, что розыск начался сразу же после появления мятежника: «Разин был привезен между 9 и 10 часами утра и тотчас же

предан пытке: сверх 30 ударов плетью он был пытан огнем. Но в чем признался он, пока подлинно неизвестно. Ходят разные слухи, однако докучать пересказом их не стану». Интересно далее, что Разина в тот же день приговорили к казни, которую назначили на следующий день, т. е. на 3 июня, субботу. Но потом, несмотря на проведенные «должные приготовления», казнь «после долгого ожидания» перенесли на вторник, 6 июня, когда она и состоялась. «Вчера», т. е. 5 июня, в понедельник, «его снова пытали» (допрос был продолжен), «но недолго»⁴⁶. В сообщениях Хебдона весьма любопытно известие о переносе казни с субботы на вторник. Принятие этого решения проходило, вероятно, не совсем просто («после долгого ожидания»). Тому могли быть разные причины, например, нежелание проводить публичную казнь на Красной площади, в центре Москвы, в субботний или воскресный день. Но и в понедельник Разина снова не казнили — состоялся новый допрос, хотя и недолгий, по словам англичанина. В этом, мне кажется, разгадка отсрочки казни: желание провести дополнительные дознания, может быть, по тем десяти вопросным статьям, которые составил царь Алексей, проявивший такой интерес к Степану Разину.

Немец И. Ю. Марций, тоже побывавший в Москве в дни казни Разина, три года спустя, 29 июня 1674 г., защитил в Мюльгаузене (Тюрингия) диссертацию под названием «Степан Разин, донской казак, изменник». Труд Марция основан на анонимном «Сообщении» англичанина, сообщениях иностранных газет, «рассказах весьма серьезных людей», наконец, на личных наблюдениях⁴⁷. Автор дает интересную оценку розыска: «На допросах Разин так твердо переносил пытки, что, несмотря на множество избивавших его улик и свидетельств, не мог рассматриваться как избиваемый и осужденный на основании собственных своих показаний. Но, поскольку предстояло слишком долго вести следствие по делу, и без того ясному, то решено было, что в интересах государства надо поспешить с казнью и положить конец ходившим в народе толкам о причинах и истоках этих событий, чтобы не будить ненависти ко двору и новой угрозы для царя». Далее, после описания казни, Марций снова подчеркивает удивительную стойкость Разина: «Таково было неодолимое бешенство тирана: раз он не мог прибегнуть к оружию, он решил мстить молчанием, и даже пытками не могли принудить его рассказать о злодейских путях и тайнах его преступных дел»⁴⁸.

Кое-что о событиях в России напечатали западноевропейские газеты того времени и основанные на газетных сообщениях, а также на письмах разных людей из Польши, Швеции, подчас и России обзоры-компендиумы типа «*Diarium Europaeum*», «*Theatrum Europaeum*». В одной из немецких газет, гамбургском «Северном Меркурии» за июль 1671 г., рассказано о прибытии братьев Разиных в столицу и о начале их допроса: «... Привезли в Москву 2 июня и тотчас же доставили прямо в судилище, где был разведен огонь. Как только они туда прибыли, главаря мятежников вздернули на дыбу и дали ему 18—20 ударов кнутом, но он не обратил на это особого внимания. Он держался мужественно также и в то время, когда его положили спиной в огонь и стали жечь, а боярин Долгоруков и некоторые другие спрашивали его при этом о различных вещах. На одни вопросы он отвечал очень дерзко, на другие же совсем не давал ответа. А именно речь шла о том, чтобы он выдал неких знатных людей, имевших с ним связь. Все это еще остается тайной»⁴⁹.

В этом сообщении обычное для многих источников описание мужественного поведения Разина на допросах дополняется несколькими деталями: братьев-мятежников с дороги сразу доставили в пыточный застенок, где все уже было приготовлено — зажженный огонь, дыба, кнут в руках *палача* и, разумеется, ждали сыщики — Долгорукий, злой гений братьев Разиных, и иные. Подтверждается, что Степан отвечал на их вопросы, причем «очень дерзко», но не на все. Весьма интересно упоминание об одном из вопросов, который ему задавали, — о связи с «некими знатыми людьми». В царских статьях-вопросах, вспомним это, упоминаются патриарх Никон, кн. К. М. Черкасский, астраханский митрополит Иосиф. Из сохранившихся документов, кроме того, известно, что Разин вел

переписку с гетманами обеих частей Украины, крымским ханом, азовским пашой и ногайскими мурзами. Так что известие «Северного Меркурия» не является выдумкой, и наши знания о возможном содержании несохранившихся «распросных речей» Разина дополняются еще одним пунктом.

То же пишет об этом «Голландский Меркурий» за 1672 г.: «Так их вели на пытку посреди Москвы, где из-за холода был зажжен костер» (очевидно, сообщение какого-то корреспондента о костре для пыток издатели восприняли как известие о холоде в северной «Татарии» даже в летние июньские дни!). «Стеньку Разина, — продолжает газета, — провели через огонь (на самом деле положили на огонь. — В. Б.), затем растянули [на дыбе], били батогами и, так как все это его не сломило, снова положили его в огонь. И он все эти жестокие пытки перенес. Во время этих пыток господин боярин Долгоруков задавал ему вопросы. Лишь на некоторые вопросы он давал решительные ответы, но на все остальные хранил молчание».

Здесь конкретно говорится и об одном из «знатных господ», которые имели с ним связь: «Хотели еще обвинить бывшего патриарха Никона в том, что он будто бы был подстрекателем Разина». Это известие для нас не ново, конечно, но обратим внимание на это «будто бы» — корреспондент и издатели газеты не очень-то, видно, полагались на точность подобного обвинения в адрес низложенного владыки. В конце сообщения сказано: «Наконец, он, мятежник Разин, предстал перед московским судом, и 16-го этого месяца (6 июня. — В. Б.) он был казнен на большой торговой площади». В другом месте говорится: «16 июня его повели к замку (Кремлю. — В. Б.), где был знаменитый большой эшафот. Он признался в тех преступлениях, в которых его обвиняли, начиная с 1667 г., и его четвертовали»⁵⁰.

Французская «Газета» в номере за 25 октября 1670 г. подтверждает версию других источников о казни брата, за которую Степан Разин хотел отомстить: «... Заявил, что не сложит оружия, пока ему не выдадут генерала великокняжеских войск Долгорукова»⁵¹. Известие об этом газета получила из Риги, помечено оно 25 сентября. А во внеочередном выпуске за 25 сентября 1671 г. та же газета сообщила о казни «вождя мятежников» (восстание которых в номере от 26 июня 1671 г. было названо «гражданской войной»). Среди прочего читателей оповестили о том, что, «как только он прибыл, его подвергли пытке, и, будучи приговорен к смерти, он был снова подвергнут пытке и казнен перед дворцом, причем на доске были перечислены все его преступления с 1663 г.; и это было прочитано вслух»⁵². Эти данные доставлены из Риги и Варшавы.

Результаты деятельности «розыскной» комиссии, которую возглавлял, как можно предположить, боярин кн. Ю. А. Долгорукий, стал приговор («сказка») 6 июня 1671 г., прочитанный братьям Разиным («сказанный») перед казнью старшего из них⁵³. В нем изложена официальная версия событий крестьянской войны. О ходе розыска, к сожалению, не упоминается. Фрол Разин, крикнувший «слово и дело государево», прожил еще лет пять — казнили его в 1676 г., после того, как власти окончательно убедились в невозможности найти то, о чем он говорил после казни брата: о письмах, которые Степан будто бы спрятал в засмоленном кувшине на одном из донских островов, даже о закопанном где-то кладе, о чем сообщают некоторые иностранцы.

* * *

Материал, изложенный выше, показывает, мне думается, что, во-первых, в свое время, во всяком случае до конца XVII в., существовало и хранилось в Казанском приказе «розыскное дело» С. Т. Разина. Погибло оно, скорее всего, при пожаре 1702 г. Все утверждения о том, что Разин ни слова не сказал на допросах, являются не более чем красивой легендой. Но нельзя отрицать его мужество, твердость, даже героизм в ходе страшных допросов и пыток. Во-вторых, несмотря на краткость, отрывочность известий об этом «розыскном деле», его можно в определенной мере, не полностью, разумеется, реконструировать. В круг вопро-

сов, которые ему задавали, входят пункты об истоках, причинах восстания (в том числе о казни брата Ивана), о походе на Каспийское море и расправах с астраханскими начальниками, ясыре и прочих, конечно, трофеях (знаменитая шуба — один из них), о действиях восставших в Поволжье против Долгорукого, о разинских сподвижниках, связях с Никоном, кабардинскими князьями, украинскими гетманами и др., о составлении и рассылке «воровских писем» и, вероятно, о многом другом — все-таки допросы продолжались минимум два дня (пятница и понедельник), а если считать субботу и воскресенье, то все четыре дня.

Гибель разинского «розыскного дела» лишила потомков возможности узнать многое о помыслах и целях храброго атамана, его помощников и рядовых разинцев. Но сохранились довольно многочисленные «распросные и пыточные речи» других мятежников, что дает возможность выявить то, о чем умолчал или, возможно, сказал их предводитель в розыске.

Примечания

¹ П о п о в А. Н. История возмущения Стеньки Разина//Русская беседа 1857. Ч. 1 (кн. 6). С. 47—64; Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 1—240.

² Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. М.; Л., 1931; Труды Историко-археографического института АН СССР и Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Т. X. Материалы по истории крестьянских движений. Вып. 1. Разгром разинщины. Л., 1934.

³ Тихомиров Б. Н. Источники по истории разинщины//Проблемы источниковедения. Сб. !. М.; Л., 1933. С. 50 и след.

⁴ Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Т. I-IV. М., 1954—1976.

⁵ Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Т. 1. Л., 1966. С. 14—21.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Крестьянская война... Т. III. № 316. С. 390—391. См. также комментарии. С. 420—421.

⁸ Там же. Т. IV. № 66, 67. С. 61—62.

⁹ Там же. Т. III. № 77. С. 80—81.

¹⁰ Там же. № 310. С. 387; коммент. С. 420.

¹¹ Там же. Т. I. № 99. С. 128—129.

¹² Там же. № 106. С. 144, 145, 147; Степанов И. В. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

¹³ Крестьянская война... Т. I. № 106. С. 47.

¹⁴ Там же. № 106. С. 145; Степанов И. В. Указ. соч. Т. 1. С. 358—359.

¹⁵ Крестьянская война... Т. III. Коммент. к № 77. С. 403.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. № 86. С. 95; № 295. С. 372—373. Коммент. к № 295. С. 419.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. № 81. С. 84.

²⁰ Там же. Т. I. № 184. С. 257.

²¹ Там же. № 104. С. 132.

²² Там же. № 106. С. 146. Далее приводятся речи станичников в ответ на вопросы об их походе на Каспий (с. 146—147).

²³ Там же. С. 148.

²⁴ Там же. Т. III. № 98. С. 106.

²⁵ Там же. № 108. С. 117.

²⁶ Там же. № 123. С. 134; см. также: № 129. С. 139.

²⁷ Там же. № 187. С. 208.

²⁸ Там же. № 232. С. 259.

²⁹ Там же. № 318. С. 392.

³⁰ Там же. № 77. С. 81. Примеч. 2.

³¹ Там же. Коммент. к № 77. С. 403.

³² Там же. № 160. С. 177.

³³ Там же. № 192. С. 217.

³⁴ Там же. № 288. С. 355—357.

³⁵ Там же. Коммент. к № 77. С. 403.

³⁶ Там же. № 236. С. 285—286.

³⁷ Там же. Т. I. № 103. С. 131 («распросные речи» атамана И. Аверкиева с товарищами в Посольском приказе 14 декабря 1669 г.).

³⁸ Там же. Т. II. Ч. II. № 75. С. 97.

³⁹ Там же. С. 95—97.

⁴⁰ Там же. № 77. С. 100.

⁴¹ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. М., 1946. С. 38; Б у г а н о в В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 403 и др.; Восстание московских стрельцов. 1698 год (Материалы следственного дела): Сб. док. М., 1980. С. 82—83.

- ⁴² Крестьянская война... Т. III. № 316. С. 391. Комментарий. С. 420—421.
- ⁴³ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 84—90.
- ⁴⁴ Там же. С. 107.
- ⁴⁵ Там же. С. 113, 114.
- ⁴⁶ Там же. С. 127—128 (введение), 130—131 (текст).
- ⁴⁷ Иностранцы о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л., 1975. С. 15—
- 30 (вводные статьи А. Г. Манькова и А. К. Гаврилова).
- ⁴⁸ Там же. С. 74.
- ⁴⁹ Там же. С. 129.
- ⁵⁰ Там же. Примеч. ж, з,
- ⁵¹ Там же. С. 135.
- ⁵² Там же. С. 138, 139.
- ⁵³ Крестьянская война... Т. III. № 81. С. 83—87.